

7 апреля 2019 года замечательному литературоведу, критику, тонкому знатоку русской поэзии и русской души Льву Александровичу Аннинскому исполнилось 85 лет. В России — двое великих литераторов отмечены волей providения, и оба они — главные действующие лица на страницах альманаха «День поэзии». Критик Лев Аннинский, рождённый на Благовещенье — 7 апреля, и поэт Владимир Костров, рождённый на Рождество Пресвятой Богородицы — 21 сентября — это слава и гордость нашей литературы.

Во многом благодаря Льву Александровичу Аннинскому в альманахе «День поэзии — XXI век» появился отдельно выделенный раздел «Критика и литературоведение» с многочисленными эссе блестящего мастера.

Долгих Вам лет жизни, Лев Александрович, во славу отечественной словесности!

— *Лев Александрович, в «Опыте автобиографии, при попутном выяснении базовых ценностей» Вы сказали: «Я выбрал РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ ещё в восьмом классе, с первых сочинений я твёрдо знал, что буду заниматься ею и только ею». Как бы Вы сейчас объяснили этот выбор?*

— Не я её выбрал — она меня. Я думаю, сказалось детское чтение. И мне и моему брату читали вслух стихи, которые врезались в сознание единственно, потому что были понятны. Среди накрученных и навёрченных петель сюжета — что-то неизменное и неоспоримое, как дважды два. И железный ответ: четыре.

Я ещё не знал, что это Пушкин. Но в стихах всё было ясно, неизменно, вечно. Чья возьмёт, тот и главный. Ему служат!

Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была у меня на посылках».

Я был в первом классе школы (в эвакуации, далеко от дома). Ждал, что ушедший на фронт батя вернётся с победой.

Ко второму классу я уже знал: жизнь — это война. Великая Отечественная война с фашистами. Чья возьмёт, тот будет жить.

Наша взяла!

— В «Опытах...» же Вы называете чепухой «всё остальное перед распадом Советского Союза». Почему?

— Потому что понятно было главное: Советский Союз — это Родина. Понятно с младенчества.

Что было делать Родине при таком распаде? Сконцентрироваться. На чём? На единстве. На сплочении национальностей, составивших Родину. Но это же империя! И никакой маленькой она не мыслилась. Великая! Всемирная! Наше всё.

Вот наше всё и определило мою душу. Мою жизнь и мою судьбу. Я прочёл Льва Толстого, прочёл Достоевского. Прочёл Лескова, который соединил их полюса: верхний и нижний.

Растворяется личность в государстве или нет — мне было без разницы. Я не растворялся и не отделялся.

Есть Держава — это всё.

Неважно какая она: марксистская или ещё какая-нибудь... Антимарксистская.

— Ваше отношение к бунтарям, которые ставили себя как будто над Державой — к Маяковскому, Мандельштаму?

— В Маяковском меня смущала его рыночная хватка, было ваше — стало наше.

Вдова Мандельштама одной фразой поставила на место Сталина, среагировала на зависимость людей от этого человека. Она сказала: «Дело не в нём, дело в нас».

Дело в нас! И будет — в нас. Пока мы будем на этом свете.

А вот будем ли?

Или исчезнем в атомном безумии?

— Мы попробуем расширить Вашу мысль словами, которые Вы уже сказали. Позволим себе из «Опыта...» ещё одну цитату:

«Великая русская литература. Она возникает как коррелят Российской империи. Империя, заметим, изначально мыслится как вселенская, кафолическая, всемирная („Третий Рим“). Сначала литература подводит под крепость Державы душевный, „домашний“ фундамент (Державин), потом наступает момент равновесия личностного и имперского начал (Пушкин, Толстой), потом личность начинает расшатывать государственную крепость и пророчит ей гибель (Достоевский, Блок). Советская литература — реакция на этот сюжет: сначала личность яростно стирается, растворяется в государстве, сливается с ним; возникает то, что называется литературой большого стиля. Момент равновесия опять-таки переходит в яростный бунт личности против подавления её государством, и возникает литература трагического звучания (от Мая-

ковского к Мандельштаму, от Шолохова к Гроссману, от Горького к Платонову). Будущее человечество станет попеременно вспоминать героическую и трагическую стороны этой истории в зависимости от того, что у человечества будет болеть».

У Вас давние отношения с альманахом «День поэзии». Почему именно «День поэзии»? А не «Час поэзии» или «Год...»?

— День — что-то близкое, осязаемое. А поэзия — голос Вечности. Вот и соединились.

— Как, по-Вашему, почему приостановленный во время перестройки альманах «День поэзии» возродился в 2006 году? Что произошло в обществе? Как Вы лично восприняли это возрождение?

— Лично я воспринимаю с благодарностью любые варианты проявления национального самосознания. В 2006 году это случилось в поэзии. Обернувшись, видишь Дамиановы устои, Пушкина и Лермонтова. Или — Достоевского и Толстого.

Блики истории всплывают или тонут в зависимости от состояния души или духа. Знает, к 2006 году душа и дух соскучились по поэзии.

— Поэты — как люди искусства — всё время ищут... Новые формы подачи, новые форматы, новые слова... Какие находки современной поэзии Вы готовы приветствовать?

— Ищут смысл реальности не только «люди искусства» — все люди. Но не всем удаётся об этом рассказать.

На то и стих — чтобы рассказать о неуловимом. О смысле бытия.

Новые форматы появляются по ходу развития поэзии. В каждой ситуации это — и открытие и новость.

Каждый народ открывает для себя смысл бытия. Русские открывают и исповедуют Русскую идею. Какой эта идея будет в дальнейшем — загадка. Какой будет? У нас она будет русской. Любая идея в России становится русской. Той, что здесь и сейчас!

Если же мы утратим самоощущение русскости, о наших судьбах будут рассуждать другие люди и другие народы...

Я приветствую нынешние находки, в которых есть, видна история. Это приветствую.

И проза, как и поэзия — смысл ищет. И находит его в новых сочетаниях древних слов. В стихах это видится резче, но и в прозе так же ярок смысл.

Впрочем, в рифму человек начинает говорить, когда думает, что говорит с Богом.

С Ним и говорит, а рифма — сигнал языка.

— Что такое счастье?

— Счастье — это обретение смысла Бытия. Поиск этого смысла не оставлял меня в любую эпоху.

— А русское счастье?

— Каждый народ, обретая всемирно-историческую память, уверен, что история говорит с ним на его языке. С русскими — на русском. Тогда язык становится своим.

Это у каждого народа — если обнаруживается память.

Русское счастье — это воплощение исторической памяти в настоящем.

— Почему русские так быстро и так глубоко впитывают чужие идеи? И даже руководствуются ими в жизни?

— Путь вглубь — для тех, кто глубину ищет. И ценит.

Мы берём всё, что помогает нам жить и находить смысл Бытия. Потом нам объясняют, что со стороны мы прихватили чужое. Но ведь оно уже наше, впитано нами.

Чужое же — это всего лишь кем-то случайно прихваченное.

— *Коммунистическую идею Русь тоже приняла, сделала своей... Проверила на собственном опыте и отказалась. Кажется — легко отказалась. Как бы Вы это объяснили?*

— Смысл открывается при любом статусе. При любой господствующей идее. Если становится своим.

— *Вернёмся к Вашей любимой литературе. К поэзии!*

Расскажите, как писалась книга «Красный век». Она вышла в свет в 2009 году, а сейчас как будто обрела второе дыхание...

— Я описал своё понимание жизни и смысла судьбы. История всё окрасила в багровый и красный цвета. Пришлось принять это и усвоить, как своё. Другие тоже усваивают.

Смысл эпохи не вдруг виден. Так же, как и в книге «Красный век». Три тома посчастливилось издать, ещё четырнадцать томов — в архиве.

А кто и как найдёт эту книгу, кем она прочтётся, — я не узнаю.

Почувствует человек себя русским — прочтёт.

Книги мои — все — писались так, как пишется дневник многочитающего литератора. «Красный век» — очередное объяснение моих записок. Только так я это наименование воспринимаю.

— *Вопрос о критике, которая в обиходе воспринимается как что-то негативное, даже ругательное. Хотя критика — это анализ, оценка и суждение... Как, по-Вашему, профессиональная критика помогает поэту?*

Откройте свой секрет. Чего добивается критик, критикуя? Может быть, с учётом Вашего телевизионного опыта.

— Все мои рассуждения о роли литературной критики — это поиск Смысла. Фиксация того, что случилось. Или может случиться.

Что должен делать критик? Фиксировать то, что рождает душа. И что просится в поэзию. Красный век — так красный. Цвет не угадаешь. Так и эдак — кровь.

Это должно быть крепко и глубоко. И если так, то это — главное, что я сделал.

Соберут, сохраняют — хорошо. А разбросают и утратят — я уже не среагирую.

Как сейчас не реагирую на экранные прыжки. Сам с «Мосфильма». Сыт.

Критика нужна затем же, зачем философии ответ на вопрос о высшем, изначально-конечном смысле того, чем заняты философы как повседневные профессионалы.

Не только философы — но и палеонтологи, историки нравов, историки медицины, историки искусств, знатоки правил речи. Высший смысл есть в любой сфере деятельности, хотя не все и не всегда это чувствуют.

А должны бы чувствовать все, чем бы люди ни занимались.

Высший Смысл — это смысл деятельности, без него деятельность опускается до элементарного обслуживания, до нужды «сейчас или неизвестно когда».

Литературная критика — такое видное, яркое и существенное дело — демонстративно обесмысливается, если не искать и не открывать в нем Высший Смысл.

— *Благодарим Вас!*

Беседовали Владимир Хохлев (Санкт-Петербург) и Андрей Шацков (Москва)